

ТЕЛО В ДИАЛОГЕ: ОРИЕНТАЦИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ И ВЫРАЖЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

Крейдлин Г. Е. (gekr@iitp.ru),
Переверзева С. И. (P_Sveta@hotmail.com)

Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия

Телесные, или соматические, объекты, их признаки, действия с ними и над ними были предметом исследования целого ряда работ. Однако в этих работах мало внимания уделялось связям физических компонентов, относящихся к телу человека или к его частям, и психологических характеристик человека. Известно, например, что чрезмерно высокий или низкий рост человека, излишняя толщина или худоба его тела способствуют возникновению комплексов, вплоть до комплекса неполноценности, а потому телесные аномалии многим людям мешают вступать в коммуникацию.

В настоящей статье нам бы хотелось несколько продвинуться на пути к решению задачи системного описания соответствий физических и психических свойств человека. С этой целью на примере анализа признака «ориентация соматического объекта» мы хотим показать его связь с психологическими характеристиками человека — прежде всего, теми, которые говорят об отношении человека к собеседнику в актуальном диалоге.

Ключевые слова: тело, соматический объект, пространственная ориентация, диалог, психологические характеристики, отношения между людьми

HUMAN BODY IN A DIALOG: THE ORIENTATION OF SOMATIC OBJECTS IN ITS CONNECTION WITH HUMAN RELATIONS

Kreydlin G. E. (gekr@iitp.ru),

Pereverzeva S. I. (P_Sveta@hotmail.com)

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

The main objective of the paper is to examine relations between corporeal, or somatic objects and some psychological aspects of human behavior, namely the relations between the communicators in a dialog.

Somatic objects have been investigated from different points of view. Mostly, linguists and specialists in nonverbal semiotics have described names, features and significant actions performed by or with different somatic objects, virtually leaving aside sign manifestations of correlations between physical (corporeal) and psychological (ethical, aesthetical, etc.) aspects of human behavior. It is well-known that if a man is lengthy or extremely short or if he is too fat or scrawny he feels bad about his deficiency. Also, it is known that many corporal defects impede or aggravate proper communication. Here we undertake a few preliminary steps in solving the problem of the systematic description of the correlations between physical and psychological properties of humans. We consider one corporal feature — “spatial orientation” — that many body parts possess and describe its relations with the psychological characteristics of interlocutors. The explication of the notion “orientation of somatic object” is given and two Russian linguistic representations of spatial orientation are discussed. The linear representation corresponds to the linguistic construction $X V Y-Inst r Prep Z$, where X is an oriented object, V is a verb of orientation (e.g. *smotret' na chto-libo* ‘to face smth. (e.g. about the buildings)’, *byt' napravlennym na chto-libo* ‘to be directed at smth.’), Y is a <so called> salient part of the object X , $Prep$ is a preposition and Z is an orienting point. The angular representation accords with the construction $X V Prep Z pod uglom$ ‘at an angle’ Q (where Q is a degree of the angle).

The basic part of the paper is devoted to the correspondence between the corporal orientations which are computed by these representations and which are expressed either verbally or nonverbally (based on the Russian body language) and ethical features of humans participating in an actual dialog. Thus, different types of bows conform regularly to the features ‘respect to the addressee’, ‘veneration of the addressee’ or just ‘warm feeling to him / her’.

Key words: body, somatic object, spatial orientation, dialog, psychological characteristics, relationships between humans.

1. Введение. Постановка задачи

Ориентация соматического объекта является одним из важнейших признаков, описывающих как самого человека, так и разные аспекты его

коммуникативного поведения. Под **ориентацией объекта** (в том числе соматического) мы будем в первом приближении понимать его направленность на некоторый объект (причём не обязательно телесный) или на часть пространства, ср. такие языковые обозначения ориентации, как *показать пальцем на здание* или *лежать головой на север*. Для дальнейшего уточнения понятия пространственной ориентации требуется ввести фигуру наблюдателя. Рассмотрим предложение *Дом ориентирован балконами на речку / на восток*. На наш взгляд, его семантическая структура представляется следующим образом: «если вообразить себе, что на балконе стоит человек и смотрит вперёд, то речка мыслится как тот объект, на который направлен его взгляд (соответственно, восток мыслится как та часть пространства, на которую направлен его взгляд)».

Основное внимание мы уделим признаку «ориентация соматического объекта» и тем его значениям (values), которые выражают отношения между людьми — участниками актуального диалога. Сразу же отметим, что выражения как значений данного телесного признака, так и отношений между людьми могут быть вербальными или невербальными. Тем самым, в работе решается проблема соответствия отдельных значений телесных и психологических характеристик человека, и эта проблема является составной частью более широкой проблемы мультимодальности. Последняя заключается в описании важнейших способов взаимодействия в коммуникативном акте вербальных и невербальных знаков. В качестве семиотических кодов мы далее рассматриваем русский язык и русский язык жестов¹.

2. Основные понятия, используемые в работе.

Линейная и угловая ориентация

В диссертации [Переверзева 2013], посвящённой детальному анализу признака «ориентация» (в частности, «ориентация соматического объекта») и его значений, были описаны два основных способа знаковой репрезентации ориентации, получивших названия **линейной** и **угловой ориентаций**.

В русском языке для выражения линейной ориентации объектов широко используется конструкция вида $X \text{ V } Y\text{-ом Прер } Z$. Здесь X , Y , Прер, Z и V — это переменные, на места которых подставляются имена ориентируемого объекта (X), его выделенной части (Y), предлога (Прер), названия ориентира (Z) и обозначения действия или ситуации (V), в которой объект X ориентируется относительно Z .²

Предложения, построенные в соответствии с этой конструкцией, это (1) *Церковь ориентирована алтарём на восток*; (2) *Дом выходит окнами в сад*;

¹ Поскольку основу языка жестов составляют знаковые движения и положения тела или его частей, неудивительно, что вместо термина *язык жестов* в литературе часто используется термин *язык тела*. Мы тоже позволим себе им пользоваться.

² Данная конструкция была предметом внимания в работах [Апресян 2008], [Подлеская, Рахилина 2000] и [Рахилина 2000].

(3) *Воланд протянул руку ладонью кверху* и (4) *Он лежал головой на север, а лицом на запад*. На место переменной X в приведённых фразах подставляются имена ориентируемых объектов — *церковь, дом, рука* и *он*. Переменную Y замещают имена частей ориентируемых объектов, но не любых, а только тех, положение которых существенно для определения ориентации самих объектов. Такие части ориентируемых объектов получили название **выделенных** (здесь это *алтарь, окна, ладонь, голова* и *лицо*). Переменная Z — **ориентир** — замещается в приводимых предложениях именами *восток, сад, верх, север* и *запад*, а позицию Prer заполняют предлоги *на* и *в*. Кроме того, на место сочетаний Prer Z разрешается также подставлять пространственные наречия — обычно в тех случаях, когда ориентиром является какая-то часть пространства, ср. наречие *кверху* в примере (3). Наконец, переменную V замещают предикатные единицы *быть ориентированным, выходить, стоять, лежать, смотреть на, повернуть* и др.

Данная ориентация получила название *линейной* потому, что конструкция X V Y-ом Prer Z передаёт идею указания на более близкое расположение **выделенной части** относительно ориентира по сравнению с другими частями ориентируемого объекта, а смысл 'близости' удобнее всего изображать **геометрически при помощи отрезка**, соединяющего две точки — ориентир Z и выделенную часть Y объекта X.

Второй способ знаковой репрезентации пространственной ориентации телесных объектов называется **угловым представлением ориентации**. Отметим, что если в вербальном отражении линейной пространственной ориентации основным элементом являются глаголы и иные предикатные единицы, то в вербальном представлении угловой ориентации основным элементом являются наречные образования и предложно-падежные формы, а также отдельные редкие существительные, ср. слова *вполоборота, косо, искоса, под углом, под наклоном, профиль* и др.

В формальном описании угловой ориентации, которое мы даём здесь с некоторыми незначительными изменениями по сравнению с диссертацией [Переверзева 2013], существенно используется понятие **ориентируемого объекта правильной формы**.

Пусть дан физический объект, обладающий следующими свойствами: (1) внутри него можно представить декартову систему координат, состоящую из перпендикулярных друг другу осей, причём (2) измерения длины, ширины и других пространственных параметров данного объекта производятся по одной из этих осей. О таком объекте мы говорим, что он имеет правильную форму, и называем его *объектом правильной формы*. Оси внутри объекта правильной формы (в общем случае их три — вертикальная, горизонтальная и сагиттальная) в тех ситуациях, когда данный объект является ориентируемым, мы называем **осями ориентируемого объекта**.

При угловой репрезентации телесной ориентации указывается, что одна из осей ориентируемого объекта правильной формы (объекта X) образует угол с воображаемой прямой, соединяющей этот объект с ориентиром Z (далее такую прямую мы будем называть кратко *прямая "объект — ориентир"*). Иначе

говоря, угловая репрезентация телесной ориентации задаётся, прежде всего, **углом ориентации**, под которым понимается угол между одной из осей ориентируемого объекта правильной формы в некотором его положении и прямой «объект — ориентир».

Угловому представлению ориентации отвечают, по меньшей мере, две языковые конструкции — *X V под углом Q Prep Z* и *X V Y-ом под углом Q Prep Z* (место переменной Q заполняется числом, обозначающим величину угла ориентации). Конструкции *X V под углом Q Prep Z* соответствует предложение (5) *В глаз человека, стоящего далеко от озера, попадают солнечные лучи (X), отбрасываемые (V) водной поверхностью под небольшим (Q) углом к (Prep) ней (Z)*, а конструкции *X V Y-ом под углом Q Prep Z* — предложение (6) *Вася (X) стоит (V) спиной (Y) к (Prep) фотокамере (Z) под углом градусов в 45 (Q)*. Отметим, что некоторые из переменных, входящих в конструкции угловой репрезентации, в реальных предложениях могут оставаться незамещёнными, а вместо сочетания *под углом Q* могут выступать наречные образования. Например, предложению *Петя стоит, повернувшись к Васе боком* соответствует следующее представление: сагиттальная ось тела Пети расположена примерно под прямым углом относительно тела Васи. Здесь в роли X выступает *Петя* ('тело Пети'), в роли V — предикатная единица *стоит, повернувшись*, в роли Prep Z — предложно-падежная группа *к Васе*, а вместо единицы *под углом Q* — наречие *боком*. Выделенная часть Y — это 'лицо Пети', но в данном предложении переменная Y остаётся незамещённой.

Линейное и угловое представления ориентации телесных объектов по-разному отражаются в описании языковых единиц. Так, существуют ситуации, когда один из двух способов представления ориентации предпочтительнее другого или вообще является единственно возможным. Примером ситуации, когда существует идиоматичный способ обозначить линейную, но не угловую ориентацию, является ситуация контакта выделенной части ориентируемого объекта с ориентиром. В этом случае построение угла между осью ориентируемого объекта и прямой «объект — ориентир» затруднено. Такую ситуацию иллюстрирует, например, предложение (7) *Он уткнулся лицом в подушку*, где речь идёт об ориентации головы. Говорить об угловой ориентации головы по отношению к подушке тут было бы крайне странно, в то время как линейный способ представления данной ориентации не только возможен, но и естественен. Ориентируемым объектом здесь является голова (имя объекта здесь опущено), выделенной частью головы — лицо, ориентиром — подушка, а значением признака линейной ориентации оказывается «близость лица к подушке».

Предложение (8) *Вытирала руки о фартук и усаживалась <...> полубоком ко мне, влоборота к маме* является примером языковой реализации противоположной ситуации, а именно когда описание на языке угловой ориентации допустимо и предпочтительно, а описание на языке линейной ориентации неудачно. В приведённой фразе имеются слова *полубоком* и *влоборота*, и оба с достаточной степенью определённости задают ориентацию тела относительно объектов, обозначаемых, соответственно, словами *мне* и *маме*. Между тем данную ориентацию невозможно выразить только при помощи

конструкции XVY -ом к Z (где имя X опущено, V — *усаживалась*, Y — ‘лицо’, а Z — *я / мама*), не потеряв при этом важную смысловую информацию о положении тела, которую заключают в себе слова *полубоком* и *влоборота*.

Ситуация, обозначаемая воинской командой *Кругом!*, допускает, формально говоря, оба вида репрезентации. Угол поворота человека, подчиняющегося этой команде, — 180° , и этому углу в точности соответствует замена выделенной части ориентируемого объекта на противоположную ей часть того же объекта. Иными словами, до исполнения команды человек стоял лицом в некоторую сторону, а после её исполнения в ту же сторону стала направлена его спина. Между тем геометрия круга и углы поворота, которые широко используются в планиметрии, делают более предпочтительной трактовку наречия *кругом* именно как реализацию поворота на угол 360° . Такая интерпретация изменения ориентации следует из семантики самого слова *кругом*.

3. Представления пространственной ориентации соматических объектов и отношения между людьми

Теперь, после того как был введён необходимый концептуальный и терминологический аппарат ориентации, мы покажем, каким образом признак ориентации соматического объекта и два представления пространственной ориентации связаны с разными знаковыми способами выражения смыслов, касающихся отношений между участниками данного коммуникативного акта.

Когда речь идёт о пространственной ориентации человека, основными, очевидно, являются три направления, или три ориентации, а именно вертикальная (вверх — вниз) и две горизонтальные (влево — вправо и вперёд — назад). Со словами, в семантике которых содержится указание на эти ориентации, связаны разного рода оценки поведения одних людей по отношению к другим, прежде всего этические оценки.

Рассмотрим такие единицы, как *подниматься в чьих-то глазах* или *опустаться* (в переносном значении). С ними связаны оценки морального одобрения и, соответственно, осуждения человека или его поступка. Движение вверх — это движение восходящее, это движение к Небу (ср. глаголы *подниматься*, *возвышаться*, сочетания *во весь рост*, *воздевать руки к небу*), а движение вниз связано с силой тяготения.³ Ср. такие слова, как глагол *пасть* и существительные *дно*, *низ*, *низость*: (9) *Низость* — само слово указывает на тяготение, на феномен силы тяготения; (10) *Благородное действие может принизить, если нет необходимой силы того же уровня. Низкое и поверхностное находятся на одном уровне*. Не случайно *кланяться*, обозначающее движения головы и корпуса вниз, часто воспринимается как *унижаться*, ср. (11) *Я не стану тебе кланяться!*.

³ Семантика движения по разным пространственным осям давно обсуждается в литературе, в частности, в работах, посвящённых метафоре, см., например, Lakoff, Johnson 1980.

Если направление движения и ориентация по вертикальной оси связаны с движениями вверх (к Богу, к Небу) и вниз (от Бога, в Преисподнюю), то направление движения по горизонтальным осям соотносится с движением к людям. На это указывают отдельные глаголы воображаемого или реального движения (*приблизиться, соединиться в одно, слиться, столкнуться*), глаголы, обозначающие влечение одного человека к другому (*Меня к нему тянет / влечёт / притягивает*), а также глаголы, выражающие человеческие отношения или их изменение, типа *разорвать* или *сломать* (*отношения*). Все приведённые единицы говорят о том, что отношения между людьми изменились: стали либо лучше, либо хуже. Иными словами, переносные значения пространственных глаголов ориентации по горизонтали свидетельствует об изменении человеческого измерения.

Обсудим теперь некоторые невербальные единицы из семантического класса **поклонов**. Хотя они уже были подробно разобраны в монографии [Крейдлин 2002] и работе [Морозова 2006], некоторые аспекты остались в этих публикациях ещё не до конца разобранными. Именно на них мы остановимся.

Напомним, что формально виды поклонов различаются разными углами наклона корпуса жестикулирующего к адресатам самых разных типов — к людям, изображениям сакральных объектов или каким-то иным ориентирам. Было показано, что для описания поклонов более приспособлен язык угловой ориентации, поскольку величина угла ориентации при исполнении поклона данного вида зависит от типа адресата и отношения к нему жестикулирующего.⁴

Типовыми русскими глаголами, за которыми стоят поклоны разных типов, являются глагол *поклониться* и — в редких случаях — глагол *наклониться*. Отметим, что *наклониться* чаще выражает незнаковые действия (ср. *наклониться к кому-то, перед кем-то* или *наклониться* при исполнении какого-то упражнения в утренней гимнастике; в первом случае более чем односторонний предикат *наклониться* — это глагол ориентации, а во втором случае это односторонний предикат местоположения тела из семантического класса глаголов местоположения).

Разберём подробнее пространственные параметры угловой ориентации тела в ситуации некоторых русских поклонов. Общая закономерность здесь такова: чем глубже позитивные чувства жестикулирующего к адресату, тем больше угол наклона тела в поклоне. Если отношение жестикулирующего к адресату чисто формальное, то даже при выражении позитивного чувства угол наклона невелик (ср. разного рода **кивки** или **академические поклоны**, ср. также фразу *В знак уважения к позиции капитана Арсений наклонил голову* (Е. Водолазкин)). Отметим, что тело жестикулирующего во всех русских поклонах ориентировано передней частью в сторону адресата, а глаза — не в случае религиозных поклонов в православных храмах — тоже смотрят на адресата. Перед сакральными объектами и во время исповеди жестикулирующий смотрит вниз. Этим выражается отношение глубокого почтения и смирения.

⁴ [Переверзева 2013].

Вообще, отношения смирения, стыдливости, скромности, то есть отношения, в которых жестикулирующий ставит себя ниже адресата, выражаются склонённой головой и опущенными глазами, ср. такие выражения, как <стыдливо> *потупиться*, <скромно> *опустить глаза*, <смирненно> *склонить голову* (эти единицы разбирались, в частности, в работе [Крылова 2010]). Между тем стыдливость другого рода, а именно смешанная с заинтересованностью жестикулирующего в адресате и вниманием к нему, часто выражается следующим **жестовым комплексом**: «голова жестикулирующего опущена вниз, а глаза время от времени смотрят (*косятся*) на адресата», ср. строки из известной песни «Подмосковные вечера» (12) *Что ж ты, милая, смотришь искоса, // Низко голову наклоня?*

Таким образом, пространственный аспект семантики наречия *искоса* хорошо передаётся на языке угловой ориентации. Физическая реализация жеста **смотреть искоса** <на кого-л.> складывается из трёх компонентов. Один из них — это действие, выполняемое глазами, а именно, как мы только что сказали, глаза жестикулирующего смотрят на адресата, а два других — ориентации глаз и головы. Как известно, в устном диалоге лицо (передняя часть головы) и глаза жестикулирующего в норме направлены на собеседника. Тут, однако, лицо жестикулирующего направлено не в ту же сторону, что глаза, в результате чего образуется угол между прямыми, соответствующими ориентациям головы и глаз.

В диссертации [Переверзева 2013] было показано, что несовпадение ориентации головы и глаз и наличие между ними относительно небольшого угла объясняет возникновение переносного значения у наречия *искоса*. Действительно, во многих толковых словарях для слова *искоса* выделяются, помимо исходного, переносные значения. Например, в словарях [Ожегов 1983] и [Кузнецов 1998] слово *искоса* в исходном значении толкуется как «не прямо, скосив глаза», а в переносном — как «недоброжелательно, с подозрительностью [смотреть. — Г.К., С.П.]». Переносное значение у слова *искоса* возникает, на наш взгляд, не случайно, но для объяснения его появления нужно выйти за пределы собственно русского языка и обратиться к русскому языку жестов.

Ранее было показано ([Крейдлин 2012]), что физическая реализация жестов во многих случаях является композиционной не только по форме, но и по смыслу: смысл многих жестов складывается из семантических компонентов, соответствующих отдельным компонентам его физической реализации. Иначе говоря, такие аспекты телесной ориентации, как (а) близость / удалённость выделенной части ориентируемого объекта к ориентиру / от ориентира и (б) угол между осью соматического объекта при его обычной ориентации и той же осью данного объекта в ситуации актуальной коммуникации, имеют свою семантику. В частности, в русском языке жестов наличие угла между направлением глаз (взгляда) и направлением головы обычно свидетельствует о неискренности человека, о сокрытии им какой-то информации или нежелании сообщать её собеседнику, а тем самым и о недоверии к нему или недружелюбии. Ср. выражения *отводить глаза в сторону*, *опустить глаза*, *не смотреть <на собеседника>*, а также фразы (13) *Смотри мне в глаза и говори правду!*; (14) *Ты почему опустил глаза — говоришь неправду?* Во фразе (14),

которую произнесла учительница лицея в адрес ученика 6-ого класса, судя по интонации, явно выражена причинно-следственная связь между произнесением лжи и опусканием глаз.

Сходный смысловой анализ связи пространственных аспектов поведения человека и его отношения к собеседнику можно предложить также для жеста **смотреть исподлобья** <на кого-л.>. В самом деле, при его исполнении глаза жестикулирующего обращены на адресата, а голова — лицом чуть вниз и, возможно, вбок. Здесь тоже имеется небольшой угол между ориентациями глаз и головы, и, как и в разобранный выше случае, появление переносного значения у слова *исподлобья*. Ср. *исподлобья* = «из-под насупленных бровей <...> (также перен.: недоверчиво, недружелюбно)» [Ожегов 1983], «недоверчиво, недружелюбно; из-под насупленных, нахмуренных бровей (смотреть, глядеть)» [Кузнецов 1998]. Указанное переносное значение получает аналогичное объяснение: все перечисленные смыслы объединяют компоненты 'неискренность', 'недружелюбие'. Общность смысловых компонентов наречий *искоса* и *исподлобья* позволяет им легко употребляться в одной синтагме, однако при этом каждое несёт свой смысловой акцент (при наличии общего смыслового инварианта, закреплённого за углом между телесными ориентациями): (15) *Смотрела на Клавдию искоса, исподлобья, как собака на строгого хозяина*; (16) *Еще робче сделала она первый глоток и, несмотря на сильный аппетит, приостановилась на минуту и глянула на меня искоса, исподлобья, желая поверней удостовериться, не намерен ли я тотчас же выкинуть над ней какую-нибудь скверную штуку. Так точно, с такими же приемами и почти с таким же выражением берут голодные, бездомные и запуганные собаки кусок пищи, брошенный рукой близко стоящего, незнакомого им человека*; (17) *Мало-помалу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и всё грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно, когда слушал её из соседней комнаты*.

По-видимому, не случайно В. И. Даль поясняет одно из значений слова *исподлобья* при помощи слова *искоса*: «непрямо, насупив брови и не поворачивая головы, искоса, насупись; глядеть недоверчиво или со скрытым неудовольствием» [Даль 1998]. Хотя нормой общения русских людей в диалоге лицом к лицу является взгляд, направленный на собеседника, это — взгляд не прямо в глаза, поскольку жест **прямой взгляд в глаза** может интерпретироваться адресатом как вызов и потому плохо им восприниматься⁵.

Подводя итог, мы можем сказать, что в том случае, когда один собеседник не смотрит на другого, как, например, в жесте **отвернуться** или **отвести глаза**, его невербальное поведение является показателем определённых психологических особенностей человека или черт его характера. В частности, поведение жестикулирующего может говорить о том, что он — очень стеснительный человек или что он не хочет быть назойливым, а может быть, просто не желает вступать в коммуникацию, поскольку ему неприятен либо сам собеседник, либо какие-то его качества.

⁵ См. об этом [Kendon 1967]; [Von Cranach 1971]; [Ellsworth 1975]; [Emery 2000]; [Крейдлин 2002].

В таких жестах приветствия, как **протянуть руку для рукопожатия** или **протянуть руку для поцелуя**, определённый смысл приходится на компонент физической реализации «рука вытянута прямо». Любое отклонение от этой нормы исполнения жестов (например, протягивание руки ниже, чем прямо) свидетельствует о стремлении жестикулирующего управлять телесным поведением собеседника, в частности, о желании унижить его, подчеркнуть заметное различие в статусах и др. Такое пространственное поведение жестикулирующего лучше всего описывается посредством линейного представления ориентации, которое здесь выглядит следующим образом: рука жестикулирующего ориентирована кистью на адресата (не вниз и не вверх).

4. Заключение

При обсуждении двух возможных представлений пространственной ориентации (в виде конструкции линейной ориентации XVY -ом Prep Z и конструкций угловой ориентации XV под углом Q Prep Z и XVY -ом под углом Q Prep Z) и разных способов их реализаций мы особо остановились на соответствии значений телесного признака «ориентация» и значений психологического признака «отношение между собеседниками». Оба признака играют важнейшую роль в семиотической концептуализации тела и телесности, то есть в модели, или картине мире, отражающей представления обыкновенных носителей русского языка и русской культуры о человеческом теле, выраженные в знаках соответствующих семиотических кодов. Отношения между людьми могут быть как позитивными, так и негативными, как постоянными, так и временными, актуальными. Создание полного перечня таких отношений и их соответствий не только значениям признака «ориентация соматического объекта», но и значениям других физических и функциональных телесных признаков — это важная задача дальнейших исследований.

Литература

1. Апресян 2008 — Апресян Ю. Д. О проекте активного словаря (АС) русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.)), Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 23–31.
2. Даль 1998 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, в 4 т. М.: Терра, 1998.
3. Крейдлин 2002 — Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
4. Крейдлин 2012 — Крейдлин Г. Е. Тело человека и некоторые особенности синтаксического взаимодействия вербальных и невербальных знаковых кодов в диалоге // Современные прагмалингвистические и лингвокультурологические исследования. Иваново: Ивановский государственный университет, 2012. С. 144–152.

5. Крылова 2010 — *Крылова Т. В.* Лексикон «отвода глаз» (*отвернуться, отвести глаза, опустить глаза, потупиться*) // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010. — С. 184–195.
6. Кузнецов 1998 — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
7. Морозова 2006 — *Морозова Е. Б.* Невербальный этикет в его соотношении с вербальным. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.
8. Ожегов 1983 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка, изд. 14-ое, стереотипное. М.: Русский язык, 1983.
9. Переверзева 2013 — *Переверзева С. И.* Семиотическая концептуализация тела в русском языке и русской культуре: признак «ориентация». Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
10. Подлеская, Рахилина 2000 — *Подлеская В. И., Рахилина Е. В.* «Лицом к лицу» // Логический анализ языка: Язык пространства. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 98–107.
11. Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имён. М.: Языки русской культуры, 2000.
12. Ellsworth 1975 — *Ellsworth P. S.* Direct gaze as a social stimulus: the example of aggression // *Nonverbal communication of aggression*. New York, 1975. P. 53–76.
13. Emery 2000 — *Emery N. J.* The eyes have it: The neuroethology, function and evolution of social gaze. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 24, 2000. P. 581–604.
14. Kendon 1967 — *Kendon A.* Some Functions of Gaze Direction in Social Interaction // *Acta Psychologica*, 26, 1967. P. 22–63.
15. Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
16. Von Cranach 1971 — *Von Cranach M.* The role of orienting behavior in human interaction // A. H. Esser (ed.) *Behavior and environment: the use of space by animals and men*. NY: Plenum Press, 1971. P. 217–237.

References

1. *Apresjan Ju. D.* (2008), On the project of the active dictionary of Russian [O projekte aktivnogo slovarja (AS) russkogo jazyka], *Computational Linguistics and intellectual technologies [Kompjuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii (po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog")]*, Vol. 7 (14), pp. 23–31.
2. *Dal' V.I.* (1998), *The explanatory dictionary of the living great Russian Language [Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka]*, Terra, Moscow.
3. *Kreydlin G. E.* (2002), *Nonverbal semiotic: body language and natural language [Neverbal'naja semiotika: jazyk tela i estestvennij jazyk]*, *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow.
4. *Kreydlin G. E.* (2012) *The human body and some peculiarities of syntactic interaction between verbal and nonverbal sign codes in the dialog [Telo*

- cheloveka i nekotoryje osobennosti sintaksicheskogo vzaimodejstviya verbal'nyh i neverbal'nyh znakovyh kodov v dialoge], *Sovremennye pragmalingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie issledovanija*, Ivanovo State University, Ivanovo, pp. 144–152.
5. Krylova T. V. (2010), The lexicon of “eye aversion” (*to turn away, to avert one’s eyes, to cast one’s eyes down*) [Leksikon “otvoda glaz” (*otvernut’sja, otvesti glaza, opustit’ glaza, potupit’sja*)], *Logical analysis of the language. Mono-, dia-, polylog in different languages and cultures* [Logicheskij analiz jazyka. Mono-, dia-, polilog v raznyh jazykah i kulturah], Indrik, Moscow, pp. 184–195.
 6. Kuznetsov S. A. (1998), *The big explanatory dictionary of the Russian language* [Bol’zhoj tolkovyj slovar’ russkogo jazyka], Norint, Saint-Petersburg.
 7. Morozova E. B. (2006), *Nonverbal etiquette and its relations with the verbal etiquette* [Neverbal’nyj etiket v ego sootnoshenii s verbal’nym], Moscow.
 8. Ozhegov S. I. (1983), *The dictionary of the Russian language* [Slovar’ russkogo jazyka], 14-th stereotype edition, Russkij jazyk, Moscow.
 9. Pereverzeva S. I. (2013), *The semiotic conceptualization of the body in the Russian language and culture: the feature of orientation* [Semioticheskaja kontseptualizatsija tela v russkom jazyke i russkoj culture: priznak “orientatsija”], Moscow.
 10. Podlesskaja V. I., Rahilina E. V. (2000), “Face to face” [“Litsom k litsu”], *Logical analysis of the language. The language of space* [Logicheskij analiz jazyka. Jazyk prostranstva]. *Jazyki russkoj kul’tury*, Moscow, pp. 98–107.
 11. Rahilina E. V. (2000) *The cognitive analysis of physical names*, *Jazyki russkoj kul’tury*, Moscow.
 12. Ellsworth P. S. (1975), *Direct gaze as a social stimulus: the example of aggression*, *Nonverbal communication of aggression*, New York, pp. 53–76.
 13. Emery N. J. (2000), *The eyes have it: The neuroethology, function and evolution of social gaze*. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 24, pp. 581–604.
 14. Kendon A. (1967), *Some Functions of Gaze Direction in Social Interaction*, *Acta Psychologica*, 26, pp. 22–63.
 15. Lakoff G., Johnson M. (1980), *Metaphors we live by*, Chicago, University of Chicago Press.
 16. Von Cranach M. (1971), *The role of orienting behavior in human interaction, Behavior and environment: the use of space by animals and men*, New York, Plenum Press, pp. 217–237.